

ПРОРОЧЕСТВО КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО В «ВИЗАНТИЙСКИХ ЛЕГЕНДАХ» Н. А. ПОЛЕВОГО

М. Г. Пономарева,
кандидат филологических наук, доцент,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского,
e-mail: mgstepanova@mail.ru

Аннотация: Пророчество как способ конструирования будущего играет важную роль в романтической культуре в целом и в исторической прозе в частности. Пророчество разворачивается в тексте при явном различии временных перспектив повествователя (автора) и персонажа: то, что для одного предвосхищаемое будущее, для другого – состоявшееся прошлое. В этом случае особый интерес представляет ложное или частично состоявшееся пророчество, появляющееся в исторической прозе Н. Полевого (например, в его романах).

Ключевые слова: пророчество, романтическая историческая проза, Н.Полевой

THE PROPHECY AS A WAY OF DESIGNING THE FUTURE IN THE POLEVOY'S «BYZANTINE LEGEND»

M.G. Ponomareva,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Yaroslavl State Pedagogical
University named after K.D. Ushinsky

Abstract: The prophecy as a way of designing the future plays an important role in the romantic culture in general and especially in historical prose. The prophecy takes place in the text in the apparent difference time perspectives of the narrator (the author) and the character: that for one is anticipating the future, for another – held last. In this case, special interest is partly false prophecy that appears in historical prose by N. Polevoy (for example, in his novels).

Keywords: prophecy, romantic historical fiction, N.Polevoy

Пророчества всегда играли большую роль в истории человечества, во многом способствовали формированию общественного сознания, а главное – тревожили сердца людей своей устремленностью в будущее. Имена великих предсказателей до сих пор у всех на устах – Нострадамус, граф Калиостро, Эдгар Кейси, Вольф Мессинг, Ванга и др. Две самые известные книги пророчеств – это «Книги сивилл» и «Книга перемен». Пророчества играют важную роль в Библии и Коране. Пророками часто называют и писателей-

фантастов, которые, которые в своих произведениях описали события, ставшие со временем реальностью, – Джонотана Свифта, описавшего два спутника планеты Марс, Артура Кларка, показавшего высадку человека на Луну, Моргана Робертсона, в романе которого действие происходит на борту судна под названием «Титан» и многих др.

Можно выделить и большой пласт художественных текстов, в которых пророчества стали непосредственным объектом изображения. Достаточно вспомнить «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина, стихотворение М. Ю. Лермонтова «Настанет год – России черный год...», роман «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и т.д. Особенно органично пророчество романтической эстетике. Поэты романтики постоянно настаивали на божественной природе творчества, так как именно оно возводит человека к высшему знанию, «приподымает завесу над скрытой красотой мира и сообщает знакомому черты незнаемого» (П. Б. Шелли) [7]. Сокровенные основы бытия, с точки зрения романтиков, наиболее полно и целостно выражаются в процессе художественного озарения, откровения, что является результатом духовной интуиции. В художественном творчестве романтиков значимо не рациональное мышление и точное, фактографичное знание, но воображение и интуиция. Отсюда и интерес их к форме предсказаний.

Пророчества особенно часто вводятся писателями-романтиками в произведения, описывающие события исторические. История, с точки зрения романтических историографов, представляет собой не вереницу отдельных событий (это летопись), но ряд взаимосвязанных ступеней развития сознания общества. Это уже не «священный текст», но постоянно обновляемый мир, в рамках которого происходит постоянное переструктурирование фактов в соответствии с господствующей в обществе идеей.

Так, например, русский философ П. Я. Чаадаев задается целью найти «всеобщий закон истории», полагая, что в истории должны господствовать не факты сами по себе, но теория, система. По его мнению, необходимо логическое освещение фактографии: «Поэтому ни к чему не ведут попытки связать между собой времена, а также непрерывная работа над фактическим материалом; надо стараться дать глубокие характеристики великих исторических эпох и определить строго черты каждого века на основании законов практического разума» [6: 92]. «Повествовательная история» только таким образом, с его точки зрения, может дойти до «единства», до «высшего закона», обуславливающего историческое развитие.

Его современник Н. И. Надеждин тоже полагал, что исторические события должны быть осмыслены на основе «высшего единства», иначе они будут представлять собой бессвязную механическую сумму и могут быть истолкованы достаточно субъективно, а потому не могут быть названы истинными. Этот «высший закон», или Божественный промысел, должен быть угадан писателем или историком. Реализуется же он только через действия человека, постоянно созерцающего красоту сотворенного мира и несовершенства человеческого общества и стремящегося изменить, одухотворить действительность.

Таким образом, история для романтиков – это или история великих личностей, выступающих в роли своеобразных провидцев «Божественного силлогизма», или история народа, чей «народный силлогизм» история тоже является выражением высшей воли. И в том и в другом случае «высший закон» должен быть вербализован человеком, интуитивно постигшим «высшую мудрость», а значит и «дух эпохи», ее высшее предназначение.

Среди исторических писателей-романтиков пророчество становится наиболее значимым структурным элементом в прозе Н. А. Полевого. Не признавая серьезности и значимости историографических исследований этого русского писателя-романтика и историка, позднейший исследователь П. Милюков тем не менее достаточно точно уловил своеобразие его подхода к историческому материалу: «...вместо идеализации прошлого он должен найти в нем причинную связь, сообщающую каждому моменту прошлого характер всемирно-исторической необходимости» [1: 298–299]. Эту всемирно-историческую необходимость писатель и объективирует через целый ряд пророчеств, постоянно возникающих в его произведениях.

Мы остановимся только на двух его произведениях, тесно связанных друг с другом – двух «византийских легендах» – «Пир Святослава Игоревича, князя Киевского» и «Иоанн Цимисхий» (жанровое определение произведений принадлежат автору). Оба текста рассматривались писателем как фрагменты нового романа «Синие и Зеленые» (на это, в частности есть ссылка в номере журнала «Московский наблюдатель» [4: 329–376], в котором изначально была опубликована первая повесть). Этот роман, который так и не был написан Н. Полевым, должен был показать события русской истории как продолжение борьбы двух партий, господствовавших на цареградском Ипподроме, тех партий, о которых речь потом пойдет в византийской легенде «Иоанн Цимисхий», что и позволяет нам с уверенностью говорить о том, что и она должна была быть частью того же романа. По всей видимости, повесть, опубликованная в «Московском наблюдателе», должна была стать вступлением к первой части романа, на что указывает «параллелизм» многих эпизодов в двух «византийских легендах».

Обратим внимание на то, что оба произведения начинаются сценой приема послов князем Святославом («Пир Святослава Игоревича, князя Киевского») и императором Никифором («Иоанн Цимисхий»). Однако если Святослав встречает Калокира, «там, где воину и князю прилично быть, если он не в битве» [3], то есть на охоте на «свирепого вепря», то Никифор – в императорском дворце Вукалоне с соблюдением всех многочисленных обрядов, характерных для торжественных церемоний. Если Святослав принимает решение отомстить за смерть своих воинов и таким образом возродить славу предков-завоевателей, когда-то покоривших Царьград, то Никифор продолжает интриговать против него с помощью Калокира.

Прежде, чем перейти к анализу текстов, постараемся описать нарративную и субъектную структуру пророчества в литературном произведении.

В современной энциклопедии «Символы, знаки, эмблемы» пророчество определяется как «прорицание и предсказание будущего, основанное на том, что пророк получает свои сведения из сверхъестественного источника» [5]. «Пророк (от греч. «предсказатель») послан богом, чтобы донести людям некую весть. Таким образом, он выступает глашатаем самого бога. В более широком смысле пророком называют человека, который возвещает волю божества. Такие пророчества могут подтверждаться видениями, «вещими» снами или метанием жребия. Так как бог может обозначить свою волю во время богослужения, пророка часто отождествляют со священником, шаманом, предсказателем — кудесником или мистиком» [5]. Пророчество может касаться как судьбы мира, народа, так и отдельного человека. Обратим внимание на то, что в Библии, например, различают достаточно много видов пророчеств: пророчества индивидуальные; пророчества, касающиеся обновления Завета; пророчества как непосредственно голос, слово Господне; пророчества как способ толкования предзнаменований; пророчества как прямое видение; пророчества как запись свидетельства Бога; пророчества-угрозы и пророчества-обещания; пророчества о Христе-мессии [5]. Таким образом, субъектом пророчества может и должен считаться Бог, а человек выступает только как посредник, медиатор его воли.

Пророчество в литературном произведении является способом презентации и одновременно моделирования будущего героем, так как в нем речь идет о том, что должно, с точки зрения предсказателя, произойти в будущем. При этом пророчество сохраняет уже оформившуюся сложную субъектную организацию, так как в нем необходимо различать субъекта воли (Бог, провидение) и субъекта речи (человека). Выразителем Божественной воли может быть как представитель культа, так и обычный человек. При этом представителем культа пророчество воспринимается как часть Божественного Промысла, а следовательно, высшего знания. Обычный человек, становясь транслятором пророчества, воспринимает его как знание, обретенное по наитию, сверхчувствование или предчувствие. Нам кажется, что такое предчувствие, если оно вербально оформлено героем художественного произведения до начала событий, можно сближать с пророчеством, если сам герой воспринимает его как выражение Божественной воли, а не только личного целеполагания. Обратим внимание на то, что именно в художественном тексте пророчество становится событием (причем как внешней, так и внутренней жизни человека), т.е. начинает обладать признаками процессуальности: оно «зарождается» на наших глазах и потом исполняется или нет. Вследствие этого актуализируется прежде всего роль человека как субъекта пророчества.

Адресат же пророчества может быть как коллективным, так и индивидуальным. Пророчество как выражение Божественной воли может быть во времени отдалено от времени его осуществления. Прежде всего это касается предсказаний, выражающих судьбу народа. В этом случае исполнитель пророчества может «отыскаться» и через несколько веков.

В любом случае пророчество становится частью литературного сюжета. Обратим внимание на то, что пророчество как элемент сюжета, отдельный эпизод не может быть сведено только к тексту самого предсказания, так как необходимо, чтобы оно стало и моментом целеполагания самого героя, подчинило его действия исполнению «высшей воли». В «Пире Святослава Игоревича» звучит пророческая песня Велеса о вещем Олеге: «Пальцы Велеса пролетели по струнам, и струны гуслей загорелись в согласных звуках. Речитативом, иногда переходившим в томное, иногда в шумное, быстрое, живое пение, начал Велес. Товарищи его составляли хор, вторивший ему, и когда он сам переставал, голоса их сливались в повторении последних слов песни» [3]. Слушателями этой песни стали князь Святослав, его сыновья и дружина и его гости – послы греческие, воины варяжские и печенежские. Но только князем Святославом слова этой песни были восприняты как пророческие: «Неподвижен и безмолвен сидел Святослав, когда Велес начал песнь свою, но, *будто масло на огне, загорелось его княжеское сердце от слов Велеса (Выделено мною. – М.П.)*. То глядел он на певца и, казалось, *пожирал глазами его сладкоголосые струны*, то опять погружался в задумчивость и медленно дышал, *будто боясь упустить какое-нибудь слово Велесово. Огонь горел в глазах юного гусяра и переливался в душу князя*. И когда Велес пел о щите Олеговом, говорил о том, *кто (Выделено автором. – М.П.)* пойдет по следам Олега, умалчивал имя, но сказывал, что знают то имя колдуны, вещуны киевские и царьградские, вещают, шепчут валы Эвксинские, ведают волны Дунайские... тяжело, высоко подымалась грудь Святослава – как будто далекая буря дмит и буровит море Эвксинское, еще не вздымая, не кипяты валов его, *дума скрытная дмила и буровила душу Святослава*» [3]. На наших глазах происходит «рождение пророчества», в данном случае песня Велеса о том, кто будет следующим после вещего Олега покорителем Царьграда могла быть обращена к любому из присутствующих, среди них было сразу несколько правителей (или будущих правителей) – русский князь и его 3 сына, печенежский хан и варяжский князь – но никто из них кроме Святослава не услышал в словах «любимца Перуна» «высшей воли». Получается, что для того, чтобы «вещая песня» состоялось как пророчество, необходимо обретение им адресата, который в дальнейшем станет субъектом действия. Так с помощью пророчества связывает Н.Полевой двух русских князей единой Божественной волей – они становятся звеньями одного сюжета – покорения русскими Царьграда.

Пророчество в рамках произведений художественной прозы имеет свои особенности, так как предметом изображения в них являются события прошлого. Как правило, в прошлом оказывается и время реализации пророчества. В этом случае читатель уже знает, сбылось пророчество или нет. Это так называемые «пророчества задним числом». С помощью пророчества в этом случае легко направить внимание героя на те или иные действия. Не случайно в исторической прозе Н. Полевого так много пророчеств как реальных, так и вымышленных автором. Пророчество Велеса

– певца при войске Святослава, никому в истории неизвестного – как раз таким и является. Полевому как историографу было несложно связать между собой два похода русских князей на Царьград единой мыслью, представленной как пророчество.

Однако эти две «византийские легенды» Н.Полевого объединяет еще более сложная цепь пророчеств, ведь еще одним звеном в ней является пророчество, данное патрикию Калокиру – византийскому послу. В «Пире Святослава Игоревича» нет упоминания об этом пророчестве, есть лишь едва угадываемый намек в самом начале. Калокир начнет рассказывать своему другу Михаилу о предании, которое передал ему греческий священник; находившийся при княгине Ольге, сопроводив его собственными комментариями, непонятными его собеседнику: «Знаешь ли, что Святой апостол Андрей странствовал здесь, воздвиг крест на горах Киевских, благословил их и рек: "На сих горах воссияет благодать Божия, будет град великий и многие церкви Бог воздвигнет"? <...> И кто же после сего ведает, что киевским скифам не суждено *первозвание* среди всех народов и что славянин не займет даже престола Цареградского – по крайней мере не укажет смелою рукою, кому сидеть на императорском престоле...» [3]. Калокиру же было дано «уточняющее» (индивидуальное) пророчество, продолжающее то предание (и тоже пророчество), которое он рассказывает и еще одно пророчество, открытое греческим философам: «Велик был успех начала зла. Истребилась мудрость Египта и Эллады, Рима, Верита и Эдессы. Тогда увидели, как дряхлеет Юг и стареет Восток. Очи мудрых устремились на Север и в тамошних странах, отчизне Авариса, Замолксиса и Анархасиса, искали света. И открыто им было!

Доколе *море* и *земля*, цвета *синего* и *зеленого*, пребудут символом Царьграда, основою силы его – Седмихолмие сохранится в могуществе и православии. Доколе избранные не соединятся с врагами православия – Седмихолмие сохранится в мудрости и ведении. Призови Север к Седмихолмию, и род *скифа* соедини с родом Константина, и сбудется надпись на гробе царя Константина Великого: "*От Севера придет свет, и мощь, и сила с величием*"» [2].

В «византийской легенде» «Иоанн Цимисхий» мы узнаем, что безвестный и безымянный философ, последователь Платона, «бедный остаток, последний луч мудрости и знания», как он сам себя называет, считает его «избранным»: «Да, юноша, ведай, что в тебе видят избранного мудрые и сильные. Все падет окрест тебя и пред тобою – уничтожится бессмысленный ругатель мудрости, губитель знамений силы» [2]. Это пророчество отчасти является пророчеством по имени (еще один распространенный вид пророчества): «...но с именем *Калокира* – изящества и господства, красоты и величия [Καλος – Κυριος]. Се, жребий твой» [2], – кроме того, оно сопровождается астрологическим прогнозом («Философ развернул лист пергамента, исписанный математическими знаками, испещренный созвездиями, цифрами, изображениями уродливыми» [2]).

Перед нами, действительно, целая цепочка пророчеств, сопровождавших всю историю Царьграда, а потом и Киевской Руси. В эпитафии к «Иоанну Цимисхию» Н.Полевой выносит первое пророчество относительно этого города, сохраненное для будущих поколений в древней повести о создании Царьграда: «И созва Царь Константин книжники и мудрецы, *сказа им виденное знамение об орле и змии. Они же порассудив, сказавши Царю:* "Сие место Царьград, Седмихолмие наречется, и прославится, и возвеличится по всей вселенной паче иных градов. Но понеже станет между двух морь, биено будет волнами морскими, и поколебимо будет. А орел есть знамение благочестия, а змий знамение зловерия, и понеже змий одоле орла, являет бо ся яко зловерие одолеет благочестие..." Царь же Константин смутился о сем зело» [2]. Перед нами еще один вид пророчества – пророчество, толкующее знамение. Получается, что в пророчествах вся история Царьграда предстает как история борьбы «благочестия» и «зловерия», добра и зла. Город должен был стать преемником греческой мудрости, и был долгое время таковым, но при Никифоре начинаются гонения на партии Синих и Зеленых, на греческих философов – пророчество начинает сбываться, змей одолевает орла.

Вернемся теперь к пророчеству, данному Калокиру. Субъект действия в этом пророчестве не обозначен точно – это должен быть человек, родившийся «на Севере», т.е. севернее Царьграда. В повести «Пир Святослава Игоревича» таким «северянином», который исполнит древнее прорицание, становится Святослав – киевский князь. В «Иоанне Цимисхии» таким «северянином» будет Калокир. Философ говорит ему: «Юноша! ты природный славянин, ты скиф!» [2] Из исторических источников известно, что реальный Калокир был блистательным херсонесским вельможей, фактическим правителем города (Херсонесское городище сейчас находится на территории Севастополя) и, действительно, «природным славянином».

Однако оказывается, что таких «природных славян», которых греческие философы считали субъектами действия в этом пророчестве было значительно больше: «Ты ведаешь, что *Юстин*, из простых пахарей Фракии, возведенный на престол Царьграда, был *славянин*, или *скиф*, и перемена прежнего имени его на имя *Справедливого* была таинственным знаменем грядущего. Он передал престол *Юстиниану*, так переименованному из славянского *Управд*» [2]. Однако ни Юстин, ни Юстиниан не оправдали надежд мудрецов – пророчества относительно их оказались «ложными». Не сбудется пророчество и относительно Калокира (не ставшего правителем Царьграда) и Святослава (его поход в Византию и Болгарию закончится изгнанием и смертью). Мы можем уже за пределами текстов Н.Полевого продолжить ряд «природных славян» и вспомнить более ранние (и даже более успешные иногда) походы на Царьград Аскольда и Дира, Игоря, более поздние – Владимира и Ярослава Мудрого. По всей видимости, роман «Синие и Зеленые» должен был включать описания и всех этих походов, и относительно всех этих русских князей тоже должны были быть даны «ложные пророчества»?!

Но нас интересует на самом деле не количество «природных славян» и не объем незаконченного писателем романа, а причина, по которой все эти пророчества не сбылись, так как только в этом случае мы сможем понять историософию Н. Полевого, его принципы моделирования истории, в общем, и будущего, в частности. Ответ можно найти в «византийской легенде» «Иоанн Цимисхий». Философ берет с Калокира следующую клятву: «О юноша! клянись мне, что ты будешь поборником православия и дашь место мудрости и мудрым при Дворе твоём; что ты будешь всегда допускать истину и правду до слуха твоего; что ты не почтешь мудреца злодеем и любомудрого врагом своим; что ты не смешиваешь понятия о науке и знании с богопротивною ересью! <...> Клянись, что ты не взойдешь на престол царьградский ни хитростью, ни изменою, ни убийством; что ты не возложишь рук своих ни на Никифора, ни на детей Романа, ни на мать их, ни на весь род их!» [2] Примерно такую же клятву давали в произведении и Никифор, и Иоанн Цимисхий, и другие правители Царьграда, но тем не менее дорогу себе на престол они «расчищали» с помощью предательства и убийства, а, получив власть, начинали бороться с «премудростью», с греческими философами. Таким образом, «высшая воля» подменялась ими своеволием, а данное им пророчество становилось ложным. Человек может быть и должен быть субъектом действия, но не воли – такого одна из любимых мыслей писателя. Правитель, претендующий на вмешательство в «Божественный силлогизм» истории, на моделирование будущего в соответствии со своими представлениями, с точки зрения писателя, обречен на смерть. История не может выражать волю отдельного человека, в историческом развитии складываются и реализуются тысячи и миллионы волей, только в этом случае она находится под покровительством Бога и обладает нравственной силой.

Н. Полевой, размышляя над природой пророчества и их ролью в историческом процессе, делает акцент на «непроясненности» субъекта действия в нем. Этого субъекта сложно угадать, и даже уже как будто угаданный субъект может не справиться с ролью, возложенной на него. В этом случае реализации пророчества мешает сама природа человека, так как ему свойственно подменять «высшую истину» корыстной целью. Сверхъестественное и психологическое переплетаются в пророчествах, звучащих на страницах произведений писателя, меняя и привычное нам представление о закономерностях развития исторического процесса. В «истории Полевого» многое предопределено свыше, но данное человеку Божественное знание далеко не всегда и не сразу может быть реализовано человеком, порой на это могут уйти даже не десятилетия, а столетия.

Таким образом, в исторической прозе Н. Полевого пророчества являясь формой выражения «высшей воли», позволяют человеку прикоснуться к высшему знанию, что дает ему право и на участие в историческом процессе, но ни один из правителей не выдерживает этого испытания, так как все они считают, что власть дает им и право на то, чтобы стать самостоятельным субъектом воли. И только Велес и Святослав составят ту пару исполнителей

Божественной воли, которые реализуют задуманное Богом, так как каждый из них будет действовать по зову сердца.

Литература

1. Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. – СПб: Издание М.В. Аверьянова, 1913. – 342 с.
2. Полевой Н. А. Иоанн Цимисхий. Быль X века // Полевой Н. А. Избранная историческая проза / Сост., вступ. ст. и комм. А. С. Курилова. – М.: Правда, 1990. – URL: http://az.lib.ru/p/polewoj_n_a/text_0160.shtml
3. Полевой Н. А. Пир Святослава Игоревича, князя Киевского // Полевой Н. А. Избранная историческая проза / Сост., вступ. ст. и комм. А. С. Курилова. – М.: Правда, 1990. – URL: http://az.lib.ru/p/polewoj_n_a/text_0170.shtml
4. Полевой Н. А. Пир Святослава Игоревича, князя Киевского // Московский наблюдатель. – 1835. – № 15. – С. 329–376.
5. Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / Под общ. ред. В. Л. Телицына. – 2-е изд. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – 494 с. – URL: <http://slovari.yandex.ru>
6. Чаадаев П. Я. Статьи и письма / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. – М.: Современник, 1989. – 621 с.
7. Шелли П.Б. Защита поэзии // Шелли П.Б. Избранные произведения. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Философские этюды. – М.: Рипол Классик, 1998. – URL: http://www.lib.ru/POEZIQ/SHELLY/shelley1_10.txt